

Юки Рё снова видел сон.

В этом сне его звали Судзуномия Акихико.

Клан Судзуномия веками главенствовал в Токио. В городе, где за власть и влияние боролись десятки благородных домов, они прочно удерживали свои позиции благодаря пугающему врожденному дару и беспощадности.

Поговаривали, будто их далекий предок взял в жены существо из странных преданий — Воробья. С тех пор едва ли не в каждом поколении рождались дети, унаследовавшие эту причудливую птичью силу.

Подобно воробьям, избавляющимся от слабых птенцов в голодные годы, клан Судзуномия при всем своем колоссальном богатстве признавал лишь тех, в ком пробуждался истинный дар Воробья. Только они могли войти в старшую ветвь семьи и пользоваться всеми благами власти.

Те же, кто остался обделен силой или пробудил иную, чуждую клану способность, распределялись в зависимости от своей полезности. Менее ценные отпрыски отправлялись в младшие ветви, а побочные семьи в конце концов покидали столицу с горстью подъемных денег, чтобы обустроить жизнь в провинции. Кровь Воробья была слишком ревнивой и подавляла любые сторонние таланты, из-за чего прочие способности у членов клана оказывались жалкими и бесполезными.

Сегодня был особенный день.

Акихико, пятилетний наследник одной из побочных семей, в сопровождении слуг прибыл в главное поместье, чтобы старейшины оценили его новообретенный дар.

У ворот его встретил представитель семьи Хацу.

Хацу — так звали потомственных слуг клана, которые из поколения в поколение связывали себя нерушимой клятвой верности Судзуномии.

— Господин Акихико, прошу вас, следуйте за мной, — произнес Хацу Маки.

Обращение «господин» без указания порядкового номера было жестким правилом клана. Только дети из главной семьи имели право на нумерацию своего статуса, побочным же оставалось лишь пустое вежливое звание.

— Господин Акихико, как называется ваша способность?

— Если честно, я бы назвал её «Сокровища Неба и Земли», — пятилетний мальчик с копной каштановых волос, традиционных для его рода, уставился на служанку сияющими янтарными глазами. — Но отец настаивает на «Всеобъемлющей совместимости».

— Что ж, в таком случае запишем «Сокровища Неба и Земли». Нужно ведь уважать мнение самого господина, — Хацу Асака ласково улыбнулась, хотя в её взгляде промелькнуло разочарование. — А вы сами понимаете, как действует эта сила, господин?

— Да. Я могу умирять чужие разбушевавшиеся способности.

— Умирять чужую силу?.. — Асака задумалась. — Если у этого дара нет жестких ограничений, он может быть весьма полезен. Скажите, а пробовали ли вы подавлять истинное безумие или стирать сингулярности способностей?

— Нет, такого я не делал.

Акихико несмело потянул Асаку за рукав, вынуждая её наклониться пониже.

— Послушайте... Если моя сила окажется полезной, мне разрешат остаться с папой? Братец Акира рассказывал, что после пробуждения дара его больше ни разу не отпустили домой.

— Господин Акихико, таков закон, — мягко ответила служанка. — Возможности побочной ветви не сравнятся с ресурсами главной семьи. Чтобы развить сильный дар, нужны лучшие учителя и суровые тренировки.

— Спасибо. Я понял.

— О, Акихико! И тебе силу одобрили? — раздался звонкий юношеский голос.

Членам побочных семей без веской причины вход в главное поместье был заказан. И в столь нежном возрасте у Акихико мог быть только один повод оказаться здесь — пробуждение дара.

— Да! — Акихико затопал маленькими ножками навстречу кузену и приветливо протянул к нему ладошки. — Здравствуй, братец Акира!

Четырнадцатилетний Судзуномия Акира когда-то тоже принадлежал к младшей ветви. Их семьи жили по соседству, и мальчики успели крепко подружиться.

— Ну и поправился же ты, Акихико! Я тебя теперь ни за что не подниму, — Акира со смехом

уперся ладонью в лоб подбежавшего малыша. — К тому же я только с тренировки, устал как собака.

— С тренировки? — удивленно захлопал глазами мальчик. — С семейных занятий?

В главном поместье тренировки обычно заканчивались еще до полудня, а солнце уже клонилось к закату.

— Нет, это занятия в Спецотделе.

— Правда? — Акихико уставился на брата во все глаза. Даже в побочной семье он не раз слышал о том, как невероятно сложно пройти отбор в правительственную службу. — Тогда поздравляю!

С тех пор как у Акиры пробудился дар «Тропа воробьиного полета», он спал и видел себя офицером Отдела по делам эсперов при Министерстве внутренних дел. Собственно, для одаренных членов клана Судзуномия это был самый почетный и проторенный путь.

— Ха-ха, спасибо! Ну а ты? Какую из трех воробьиных сил ты пробудил? — с любопытством спросил Акира.

Вид способностей у членов клана напрямую зависел от их характера и выносливости. Обычно все они сводились к трем основным проявлениям:

[Храм Бога Воробья — редчайший, величайший дар, дающий власть повелевать миллионами птиц. Он требовал от владельца поистине королевских качеств, и за всю историю клана им обладал лишь один человек]

[Тропа воробьиного полета — способность приручать птиц и использовать их в качестве собственных глаз и ушей. Самый распространенный дар, но и раскрыть его потенциал удавалось немногим. Обычно он доставался тем, кто не любил драки и насилие]

[Воробьиные клыки и когти — способность изменять тело, выращивая острые когти для ближнего боя. Этот дар выбирал воинов и защитников]

— Ни одну из них. У меня совсем другая сила, — признался мальчик.

— Вот как... Жаль, — разочарованно протянул кузен.

"Плохо дело", — в его голове промелькнула тревожная мысль. — "Если у Акихико слабый, нестандартный дар, старейшины наверняка запретят нам общаться, чтобы я не тратил время на бесполезного родственника".

Глубокая ночь. Токио окутал тяжелый, мертвенно-белый туман. На безлюдном перекрестке, сжавшись в комок и обняв колени, на деревянной скамье сидел маленький ребенок.

— Хочешь, проведем опрос на перекрёстке?

Незнакомый голос заставил мальчика вздрогнуть и вырваться из задумчивости.

— Ты кто?.. — Акихико поднял голову и увидел перед собой юношу в белоснежной одежде.

— Я Ямамото Рюскэ. Так что, проведем опрос на перекрёстке? — нетерпеливо повторил парень.

— А с чего ты взял, что мне нужен опрос на перекрёстке? — Акихико непонимающе уставился на незваного гостя.

— Эй, малявка, ты издеваешься? Разве люди приходят в туман на перекресток не для того, чтобы узнать судьбу своей любви? — развел руками Рюскэ.

— Я — нет.

— Да кроме тебя все только за этим и идут!

— Ладно, — вздохнул Акихико.

Он пришел к выводу, что у этого симпатичного с виду парня явно не все дома. Смазливый, а в голове будто ветер свищет. Мальчик решил не тратить на него время и проглотил так и просившуюся на язык колкость о том, что пятилетние дети как-то не привыкли страдать от несчастной любви.

"Матушка всегда учила меня проявлять сострадание к убогим", — мысленно вздохнул он.

Акихико снова уткнулся носом в колени, надеясь проигнорировать парня, но тот и не думал умолкать:

— Блин, я полчаса тут торчу, караулю хоть кого-то, и надо же было наткнуться именно на тебя... Эй, ну поговори со мной! Мне тут одному вообще-то жутко!

— И зачем тебе вообще сдались эти влюбленные дураки? — Акихико наконец решил избавиться от назойливого собеседника.

— Как зачем? Чтобы дарить им благословение и надежду! — Рюскэ гордо выпятил грудь и ударил себя кулаком по ребрам. — В Токио в последнее время творится чертовщина: девушки проходят опрос на перекрёстке, а потом кончают с собой из-за плохих предсказаний. Я учусь на полицейского и обязан помешать этому ублюдку портить людям жизни!

— И все же... лезть на рожон и рушить чужие планы — смертельно опасно. Тебе не страшно?

— Настоящий коп не должен трусить! Если я буду поджимать хвост при первой опасности, грош мне цена!

— Хорошо, господин будущий офицер. Но если так, то почему бы вам не отправиться на другой перекресток? Сидя со мной в тумане, вы вряд ли кого-то спасете.

— Ха-ха-ха... — парень смущенно почесал затылок, растеряв весь свой пафос. — Если честно... я до смерти боюсь призраков. А тут еще эта мертвая тишина. Сестрица мелкая, чтоб ей пусто было, вчера на ночь таких ужасов порассказала... Короче, мне не по себе.

Мальчик промолчал, но прислушался к окружающему пространству.

— Ты прав, — наконец серьезно кивнул Акихико. — Стрекот цикад и шорох птиц пропали минут десять назад.

— И что это значит?

— Мы пересекли границу.

— Что еще за граница? — прошептал Рюскэ, испуганно озираясь.

— Разумные существа в нашем мире делятся на четыре вида: люди, йокаи, боги и существа из странных преданий. Благодаря усилиям эсперов, Дзингу, оммёдзи и правительственных ведомств между нами поддерживается хрупкое равновесие. Но иногда люди случайно забредают на чужую территорию... или же сами твари нарушают договор. Это и называется «пересечением границы».

— То есть мы сейчас... — у Рюскэ застучали зубы.

— Оно здесь, — Акихико указал пальцем в белесую мглу.

Из тумана донеслись тихие, размеренные шаги. Спустя мгновение перед ними соткался силуэт.

Это был юноша в траурно-черном одеянии. Высокий, пугающе изящный, с бледным лицом, раскрашенным причудливым, зловещим гримом. Его мертвенная, но завораживающая красота заставляла цепенеть.

Черный юноша прошел мимо скамьи, даже не повернув головы в их сторону.

В этот момент в памяти Рюскэ всплыли отрывки из полицейских отчетов, которые он тайком читал в кабинете отца: «...все погибшие девушки перед смертью твердили, что мечтают о любви прекрасного незнакомца в черном».

В голове парня словно щелкнул затвор. Страх мгновенно сменился яростью.

— А ну стоять! — Рюскэ рванулся вперед, преграждая дорогу черному силуэту. — Так это ты! Ты убиваешь тех несчастных девчонок на перекрестках!

Акихико услышал тихий, издевательский смешок.

— Надо же... — протянул демон перекрёстка, окинув парня ледяным взглядом. — Разве они умерли не по своей воле? Какое отношение я имею к их глупости? Вместо того чтобы бросаться обвинениями, лучше вспомни женщину, которую ты встретил ровно десять лет назад. Ну же, напряги память.

Рюскэ застыл, словно пораженный молнией. Лицо его мгновенно побелело, а его охватил первобытный ужас.

— Что, память отшибло? Или просто боишься признаться себе в содеянном? — бросил на прощание черный юноша.

Он скользнул равнодушным взглядом по тихо сидящему на скамье ребенку и растаял в тумане так же бесшумно, как и появился.

Когда леденящая аура монстра окончательно исчезла, Акихико шумно выдохнул и повернулся к своему незадачливому спутнику.

— Эй, — мальчик громко хлопнул в ладоши прямо перед лицом ошоломленного парня. — Приди в себя. Оно ушло.

— Блядь!.. — выдохнул Рюскэ, обессиленно опускаясь на колени.

С высоты своего роста Акихико отчетливо видел, как лицо юноши исказилось от глубокой, раздирающей душу муки.

— Что случилось? — Акихико вытащил из кармана чистый носовой платок и бросил парню на колени. — Если стыдно смотреть на мир — прикрой лицо. Но если на душе паршиво, лучше выговориться. Хочешь, я поделюсь с тобой своей бедой, а ты — своей?

То ли присутствие незнакомого ребенка действовало успокаивающе, то ли темнота тумана дала храбрости, но Рюскэ заговорил. Голос его дрожал и прерывался:

— Десять лет назад... мне было всего шесть. Мой старик завел интрижку на стороне, мы сильно разругались, и я в слезах убежал из дома. Прибежал на этот чертов перекресток... И там встретил беременную женщину. Она плакала и умоляла первого встречного провести опрос на перекрёстке. Она спросила: «Я безумно люблю одного человека. Он женат, но у нас будет ребенок... Скажи, наше счастье возможно?» А я... я был так зол на отца за измену, меня так трясло от обиды, что я просто заорал на нее: «Нет! Ничего у вас не выйдет, дура!» На следующий день ее нашли здесь. Она перерезала себе горло канцелярским ножом.

— И ты от шока просто вычеркнул это из памяти? — тихо спросил Акихико. — А теперь думаешь, что ничем не лучше того чудовища в черном?

— Да...

— И что теперь? Сдашься полиции? Наложить на себя руки? Или бросишься на того демона с кулаками?

С каждым вопросом мальчика Рюскэ опускал голову все ниже. Он действительно перебирал в голове все эти варианты.

— Честно говоря, ни один из этих выходов не исправит того, что уже сделано, — Акихико решил не тратить время на банальные утешения в духе «она сама пришла на опрос на перекрёстке» или «это был ее выбор — сдаться». Парень сейчас был слишком раздавлен, чтобы услышать разумные доводы. — Если тебя так грызет совесть, направь эти силы на помощь тем, кто отчаянно нуждается в поддержке. Спасай чужие жизни, чтобы искупить свою вину. Пусть это станет смыслом твоего существования. А насчет этого монстра не переживай — как только мы выберемся, я сообщу в Дзингу, они быстро с ним разберутся. Ну так что?

Не дожидаясь ответа, Акихико потянул парня за куртку, усаживая обратно на скамью, чтобы их глаза оказались на одном уровне.

— Раз уж ты открыл мне душу, я тоже поделюсь наболевшим. Моя беда не так ужасна, но все же. Мой клан помешан на превосходстве таланта. Все одаренные обязаны разорвать связи с прежней жизнью, ведь «бездарности не заслуживают даже дружбы». Месяц назад во мне пробудилась сила. И она невероятна — возможно, уникальна в своем роде. Но мама перед смертью просила меня любить семью, кем бы они ни были: отцом, мачехой, братьями или слугами. Я не хочу бросать их. Поэтому я утаил от клана почти все свои способности. Но в то же время мне безумно жаль зарывать такой талант в землю... Ведь я и сам в глубине души разделяю веру в превосходство сильных.

— Ну ты и даешь, малявка... По сравнению с моим кошмаром у тебя обычные детские капризы, — Рюскэ сорвал с лица платок и шутливо набросил его на голову Акихико. — Тебе пять лет от силы, зачем забивать голову такой взрослой ерундой? Пусть твоя семья сама решает эти проблемы. Разве не ради них ты так стараешься? — парень ласково потрепал мальчика по мягким волосам. — Хватит хмуриться, а то облысеешь раньше времени.

— Пф... — недовольно буркнул ребенок из-под платка.

Под накрывшим лицо платком Акихико мгновенно помрачнел.

Его способность «Сокровища Неба и Земли» не имела ограничений в использовании и делилась на три ключевые функции:

[Адаптивность — дарует носителю невероятную скорость регенерации и приспособляемость к любым внешним условиям]

[Расширение — позволяет многократно усиливать способности любых живых существ, помимо самого владельца]

[Совместимость — дает возможность безболезненно регулировать и стабилизировать любые хаотичные энергетические поля способностей]

Этот дар без колебаний заслуживал наивысшего S-ранга среди всех вспомогательных умений.

Но в то же время... он делал мальчика идеальным подопытным для экспериментов по скрещиванию чужих способностей.

Расскажи он все отцу — тот, вечно исходивший желчью и завистью к главной ветви клана и не питавший теплых чувств к ребенку от покойной жены, наверняка попытался бы использовать эту силу в своих корыстных целях.

Расскажи он главной семье — старейшины сразу увидели бы, как грубо отец обращался с одаренным ребенком. Под лозунгом «тот, кто не способен уберечь сокровище рода, недостойн звания человека» они лишили бы побочную ветвь всех денег и положения, обрекая семью на нищету.

Вывод напрашивался сам собой: Акихико должен казаться посредственностью. Ребенком со слабым, малопригодным даром, до которого никому нет дела.

— Директор?

— Директор!

— Да у вас же жар сильнейший! Почему вы еще не в больнице?!

<http://bllate.org/book/19490/2028751>